

А. Т. Сиивонен, Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2010. 260 с.

27 января 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 002.006 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН состоялась защита кандидатской диссертации Александры Тимирьяновны Сиивонен на обозначенную выше тему. Оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Н. Кушлин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук Е. П. Прокаева (Саранск).

Исследование функционирования диалекта в иноязычном окружении остается важной задачей языкознания несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки обобщения многообразного фактического материала как диалектологами, так и лингвогеографами и ареаловедами. Бесспорный интерес представляют островные ареалы восточного наречия марийского языка, распространенные к востоку от реки Вятки, на территории Кировской, Пермской, Свердловской областей, Татарстана, Башкортостана и Удмуртии. В настоящее время эти говоры переживают процесс ассимиляции русским, татарским и башкирским языками, что ведет к их постепенному исчезновению. Поэтому тема работы актуальна и имеет большое значение как для марийского, так и для финно-угорского языкознания в целом.

Структура работы А. Т. Сиивонен отличается стройностью и логичностью. Она состоит из введения (с. 6—23),

основной части, включающей шесть разделов (с. 24—201), заключения (с. 202—204), списков использованной литературы (119 наименований) и условных сокращений (с. 205—214), шести приложений (с. 215—260): списка диалектных слов (с. 215—234), образцов речи (с. 235—256), четырех лингвогеографических карт (с. 257—260).

К сожалению, в списке литературы встречаются неполные данные о некоторых словарях, неточности в инициалах авторов. Наименования отдельных трудов фигурируют в искаженном виде, например, работа М. Веске «Исследования о наречиях черемисского языка».

Многие работы последних десятилетий не попали в поле зрения автора, например, труды В. И. Вершинина (Татарские заимствования в прикамских говорах марийского языка. — Двужычие. Типология и функционирование. Казань 1990 и др.), А. Н. Кушлина (Разновидности ассимиляции гласных и согласных в красноуфимском говоре марийского языка. — СФУ ХХ 1984; Олык-эрвел отфоэпий. Туньк-тышылан польш, Йошкар-Ола 2003 и др.) и т. д.

Композиция работы соответствует решению поставленной цели — системному всестороннему изучению и описанию современного состояния прибельского диалекта, функционирующего в иноязычном окружении, и выявлению особенностей диалекта на

всех уровнях языка — фонологии, морфофонологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики.

Специфика объекта исследования и характер проблемы определили в качестве основного методологического подхода дескриптивный метод. При объяснении семантики и фонетического облика тюркских заимствований использовался сравнительно-сопоставительный метод (где это казалось уместным). Артикуляционной характеристике гласных и согласных фонем послужил аудитивно-визуальный метод. При интерпретации некоторых фонетических явлений применен метод лингвистической географии.

Во введении (с. 6—23) указываются актуальность темы, объект, предмет, цель и задачи исследования; интерпретируются примененные методы и приемы, описываются источники работы, раскрывается ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, отмечается апробация основных положений (с. 20—23). Там же дается этноисторическая справка о марийском народе, его численности, расселении марийцев в республиках и областях Российской Федерации. Однако обнаруживаются расхождения в сведениях о численности марийцев, приводимых А. Т. Сиивонен, и данных переписи населения, например: в 1939 г. у А. Т. Сиивонен — 476 тыс., по материалам переписей (Сборник материалов об этнической ситуации в Республике Марий Эл и социально-культурном положении марийского народа, Йошкар-Ола 2005) 481,3 тыс., в 1959 г. — 498 тыс., по материалам переписи — 504,2 тыс. и т. д.

Оперируя классификацией Н. И. Исанбаева, А. Т. Сиивонен перечисляет основные говоры восточного наречия (с. 10—11). Однако в перечень по какой-то причине не попали кильмезский (Кильмезский р-н Кировской области), мензелинский (бывший Мензелинский уезд Уфимской губернии, ныне Муслюмовский и Актанышский р-ны Татарстана), говоры восточного наречия (Н. И. Исанбаев, Фонетическая адаптация татарских за-

имствований в диалектах марийского языка. — Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола 1979, с. 45—46).

Говоря о северо-западном наречии, А. Т. Сиивонен подчеркивает, что И. Г. Иванов и Г. М. Тужаров выделили в особое наречие северо-западные диалекты марийского языка, распространенные на территории Кировской и Горьковской областей (с. 9). Однако следует уточнить, что вопрос о самостоятельности этой языковой группы как отдельного наречия впервые был поднят И. С. Галкиным и Л. П. Грузовым (И. С. Г а л к и н, Л. П. Г р у з о в, Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1958 года. — ТМарНИИ, вып. XIII, 189—207).

Что касается изученности отдельных говоров марийского языка, то диалектографические сведения А. Т. Сиивонен можно значительно расширить названиями таких исследований, как А. Н. К у к л и н, Фонетика красноуфимского говора марийского языка, Тарту 1983; С. И. А п с а т а р о в а, Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка (фонетико-морфологическая характеристика), Йошкар-Ола 1999; А. А. И л и е в а, Лексическая и фонетическая характеристика балтачевского говора марийского языка, Йошкар-Ола 2001; Г. А. С а в а т е е в а, Лексические особенности правобережных говоров горномарийского языка, Йошкар-Ола 2005; А. А. У т я т и н, Шарангский говор в системе марийских диалектов, Йошкар-Ола 2006.

Первый раздел «Фонология» состоит из девяти подразделов (с. 24—54). Фонологическая система прибельского диалекта определяется в количестве 10 гласных фонем. Артикуляционная классификация гласных зависит от положения трех активных речевых органов: языка, губ и мягкого неба. Однако в образовании гласных марийского языка носовой резонатор не участвует, поэтому классифицировать гласные по положению мягкого неба как назальный/оральный нет смысла.

Артикуляционное описание гласных прибельского диалекта дано в ра-

боте на основе слухового анализа, а также собственных физиологических ощущений. Однако подобные исследования на современном этапе нельзя проводить без статистической рентгенографии, кинорентгена и других методов экспериментальной фонетики. Учитывая, что рентген дает изображение органов речи лишь в профиль, приходится привлекать и данные палатографии при изучении артикуляции некоторых согласных, имеющих рисунок органов речи анфас.

Артикуляционная характеристика отдельных звуков вызывает некоторые сомнения. Так, по мнению автора, гласный *ы* — среднего подъема, заднего ряда, иллабиальный, встречается в анлауте, инлауте (с. 27). Это очень краткий гласный и он имеет относительно слабую напряженность речевых органов, поэтому условия его восприятия ухудшены. Однако при классификации, основывающейся на общefonетических предпосылках, мар. *ы* закономерно определяется как гласный смешанного ряда.

По мнению А. Т. Сиивонен, гармония гласных — явление прогрессивной ассимиляции, она базируется на качестве первого слога. В исследуемом диалекте существуют палатальная, лабиальная и регрессивная гармония гласных (с. 27—28). Следует уточнить, что уподобление, или гармония, гласных в диалектах марийского языка основывается на признаках ряда и огубленности и может происходить как в прогрессивном, так и в регрессивном направлениях. Причем уподобление базируется на качестве ударного гласного первого слога. Под влиянием палатального ударного гласного первого слога в непервых слогах появляются переднерядные гласные, под влиянием велярного ударного гласного — заднерядные.

Среди 27 базовых фонем системы консонантизма прибельского диалекта простые согласные (24 фонемы) преобладают над сложными (3 фонемы), шумные (19) над сонорными (8), звонкие (15) над глухими (12), смычные (16) над щелевыми (11). Основные

типы согласных А. Т. Сиивонен характеризует по их ведущим признакам — наиболее активно артикулирующему, т.е. преградообразующему органу речи. Разумеется, не упускаются при этом и дополнительные признаки — по пассивному органу речи, т.е. месту артикуляции.

Что касается суперсегментной фонетической единицы — словесного ударения, то его статус в прибельском диалекте, как отмечает А. Т. Сиивонен, не определен. По ее мнению, система ударения в марийском языке недостаточно изучена (с. 53). Принято считать, что ударение любого языка характеризуется комплексом фонетических средств. В марийском языке ударный гласный при прочих равных условиях имеет большую длительность, чем соответствующий ему безударный, поэтому марийское ударение считается количественным. Что касается остальных средств, то они входят в состав признаков марийского ударения, но не являются его ведущими компонентами.

Место ударения в слове в отдельных марийских диалектах представлено по-разному. В прибельском диалекте отмечается некоторое своеобразие словесного ударения. В изолированных словах при произношении их с перечислительной или назывной интонацией ударение, как правило, падает на последний слог. Это характерно для слов не только заимствованной, но и исконной лексики. В потоке речи наблюдаются колебания в постановке ударения. Одно и то же слово либо сохраняет его на первом или на одном из срединных слогов, либо испытывает сильную тенденцию к переносу ударения на последний слог, например: *jo-lko/jolko* 'лентяй', *jo-ndal/jonda-l* 'лапти', *la-čok/lačok* 'как раз, самое оно', ср. марЛ *jo-yo, jəda-l, la-čak*. Перемещение ударения на конечный слог нельзя объяснить чисто фонетическими причинами, так как оно не относится к общим закономерностям марийского языка. Это явление свойственно речи красноуфимских, бирских и уфимских мари, на-

ходящихся под интенсивным влиянием тюркоязычных народов. Вполне естественно, что воздействие татарского и башкирского языков, где ударение всегда падает на последний слог слова, отразилось и на характере словесной акцентуации в большинстве восточномарийских говоров.

В разделе «Морфология» (с. 55—61) освещаются такие вопросы, как структура непроемного слова, слоговая структура, структура суффиксированного слова с учетом аналогичных особенностей сложных слов и сочетаний слов, гласные в слоговой структуре, согласные в слоговой структуре.

В этой связи интересно, встречается ли в прибельском диалекте морфологическое явление, известное как «наложение морфем» или точнее — «наложение морфов»? Например, в луговом наречии марийского языка суффикс «налагается» на материально тождественный ему сегмент корня: *финн + -на* → *финна* 'наш финн'.

Морфонологические процессы, как правило, сопровождаются закономерными просодическими изменениями. При слово- и формообразовании ударение либо сохраняет закрепленность за тем или иным компонентом слова, либо перемещается. При этом возникает вопрос, какую связь между типом (признаками) слова и его акцентологическим «поведением» отражает акцентная кривая? Следует уточнить, что акцентная кривая — это тип распределения ударений по разным формам одной и той же лексемы.

Раздел «Словообразование» (с. 62—87) состоит из шести подразделов: «Деривация (аффиксальное словообразование)», «Образование существительных», «Образование прилагательных», «Образование наречий», «Образование глаголов», «Словосложение».

В подразделе «Словосложение» (с. 80—86) рассматриваются композиты, образованные путем сочинительной и подчинительной связей. Проблема анализа признаков фонетического и морфологического характера, позволяющих отличить сложные слова от словосочетаний, не нова, однако она впервые в

развернутом виде обсуждается в данной работе. Правоммерно утверждение А. Т. Сиивонен о том, что компоненты сложного слова, соединившись, образуют новое понятие, а не сумму значений, выраженных компонентами.

Раздел «Морфология» (с. 87—160) — самая большая и наиболее теоретизированная часть работы.

Согласно А. Т. Сиивонен, для прибельского диалекта характерны следующие части речи: изменяемые — имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол; неизменяемые — наречие, послелоги, союзы, частицы, междометия. Нефинитные формы глагола представлены несколькими инфинитивами, причастиями и деепричастиями (с. 87).

Особое внимание уделяется анализу категории падежа прибельского диалекта (с. 90—95). Для сравнения приводится падежная система марийского литературного языка. По мнению А. Т. Сиивонен, она включает семь падежей: номинатив, генитив, датив, аккузатив, инессив, иллатив, латив (с. 91). В действительности же в лугово-восточном варианте марийского литературного языка девять падежей. К указанным следует добавить комитатив и компаратив.

В прибельском диалекте автор зафиксировала 13 падежей, которые условно разделила на «полноценные»: 1) субъектно-объектные: номинатив, генитив, датив, аккузатив и 2) локальные: инессив, иллатив, латив, аблатив; 3) другие: дистрибутив, комитатив; и «неполноценные»: абессив, компаратив, вокатив.

В конце 1960-х годов была высказана мысль о многопадежности марийских диалектов. Подобной точки зрения придерживался Г. М. Тужаров. Из исследований более позднего времени можно назвать работу О. А. Зориной «История и современное состояние падежной системы горномарийского языка» (Йошкар-Ола 2002). В горномарийском варианте литературного языка ею выделено 10 падежей.

С позиции современного финно-угроведения определяется природа

местоимений. Некоторые из них, фигурирующие в одном разряде, отличаются от остальных внешним обликом. Так, собственно-личное местоимение 'я' представлено формами *maj* /*máj*/*míj*, 'ты' — *taj*/*táj*/*tíj*. Более древний их облик, или архетип — **míj*, **tíj*. Превращение их в варианты формы обусловлено фонетическими изменениями, имевшими место в истории развития марийского языка. В таблице склонения собственно-личных местоимений представлены не все их формы, ср. ном. *maj*/*máj* 'я', *taj*/*táj* 'ты'; ген. *maj-an*, *taj-an* (с. 106). Возникает вопрос: имеют ли местоимения *máj*, *táj* формы в генитиве *máj-an*, *táj-an*, в аккузативе *máj-am*, *táj-am*?

Раздел «Синтаксис» (с. 160—188) состоит из 23 подразделов, в которых освещаются узловые темы синтаксического строя прибельского диалекта.

При подлежащем, выраженном сочетанием количественного числительного с существительным, сказуемое, выраженное глаголом, как правило, выступает в форме единственного числа, например: *vič keče vič minut jañe erten kajăš* 'пять дней прошли как пять минут' (с. 175). Хотелось бы знать, имеются ли в прибельском диалекте случаи его квантификации типа: *vič keče vič minut jañe erten kajăšt* 'пять дней прошли как пять минут'? Если да, то как охарактеризовать его: координация сказуемого с подлежащим на смысловом уровне? семантическое согласование сказуемого с подлежащим? В этом случае форма сказуемого мотивируется семантикой подлежащего, а не его морфологическими категориями.

Языковые факты в разделе «Синтаксис» ценны для дальнейшей разработки методического инструментария сопоставительно-типологического языкознания, изучающего языки независимо от их родства с целью выявления расхождений и схождений структур на синтаксическом уровне, способов выражения одних и тех же значений и различия функций однотипных элементов в диалектах, находящихся в иноязычном окружении.

В разделе «Лексика» (с. 189—201) перечисляются слова четырех лексико-семантических групп с их микросистемами, в которых имеются заимствования из иранского, болгарского, чувашского, татарского и русского языков.

Не отрицая правильной интерпретации многих этимологий, рецензент хотел бы внести уточнения. Так, названия металлов *viirjeñe* 'медь', *šij* 'серебро' отнесены к разряду исконно марийских слов (с. 195). Однако в лексической системе марийского языка они выступают как иранизмы, ср. *viirjeñe* 'медь', согд. *uṛṛani-* 'медь', мар. *šij* 'серебро', новоперс. *sīm* 'серебро'.

А. Т. Сиивонен пишет: «Несмотря на то, что обычаи, обряды и религия у марийцев и татар не совпадают, марийцы восприняли от своих соседей довольно большое количество слов для обозначения религиозных понятий и терминов обрядов» (с. 199). Следует отметить, что у народов Урало-Поволжской историко-этнографической области в силу их тесного общения и взаимовлияния распространение некоторых обрядов и мифологической лексики вряд ли расходится с распространением обрядовых особенностей, мифологических образов и сюжетов. То, что имеется у мари, удмуртов, чувашей, по всей вероятности, было и у татар: ведь в состав татарского этноса вошло немало отдельных групп других народов Поволжья. И то же наоборот. Поэтому многие слова тотемистической мифологии у народов Поволжья и Приуралья общие, например: общетюрк. и тат. *аргамак* 'парадная, красивая на вид лошадь; лошадь арабской породы', мар. *аргамак* /*оргамак* 'жертвенная лошадь'; тат. *усал* и общетюрк. *осал* 'злой, лихой', мар. *осал* 'злой, вредный', мокш. *осал* 'худой; плохой; скверный' и т. д.

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 202—204), содержащим умело сформулированные выводы по всем разделам.

В техническом отношении работа А. Т. Сиивонен выполнена надлежащим образом, хотя к сожалению, все же имеются отдельные недостатки:

стилистические погрешности в переводах марийских предложений на русский язык (с. 53, 84, 183, 185, 188), орфографические описки, неточности в переводах отдельных лексем. Отмеченные погрешности легко устранить. Теоретические положения и иллюстративный материал послужат хорошим подспорьем при составлении учебников «Марийская диалектология», «Сравнительной грамматики волжско-финских языков», «Сопоставительной

типологии русского и марийского языков», научно-популярной книги «Взаимодействие лингвистических ареалов Урало-Поволжья».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: ifu@marsu.ru